

Административные реформы и концепции «родина» и «нация» в империях модернизации: Турция и Россия

На основе анализа сочинений ведущих историков, литераторов и публицистов XIX – начала XX века предполагается проследить, как менялось восприятие понятий «империя» и «нация» просвещенной элитой двух государств. Иными словами, цель работы состоит в том, чтобы выявить влияние коренных перемен, происходивших в султанской Турции и царской России, на эволюцию общественной мысли, а опосредованно – и на судьбы названных государств.

Выбор указанных ключевых терминов неслучаен. Современная политическая ситуация в мире позволяет говорить о начавшемся разрушении модели национального государства в силу процессов глобализации и регионализации, массовых миграций, радикально меняющих состав населения наиболее развитых стран Запада. Исследователи полагают, что завершается трехсотлетний исторический период, когда теории национализма и национального строительства определяли не только действия политиков, но и направленность исторических изысканий. Нынешний интерес к наднациональным образованиям побуждает ученых вновь обратиться к истории возникновения и упадка империй, чтобы «подвергнуть анализу наследие империй, ушедших в прошлое, и поразмышлять о будущих формах государственного устройства» [11, с. 33].

Цель исследования заключается в выявлении на основе сравнительного изучения ситуации в Османской империи и России типологически общих черт реакции османского и российского обществ на процесс модернизации в XIX – начале XX века, что предполагает решение следующих задач:

- охарактеризовать исторический фон, на котором разворачивались модернизационные преобразования в Османской империи и России;
- проанализировать характер изменений, вызванных осуществлением реформ в обеих империях на основе западных образцов, обратив особое внимание на изменения в характере мировидения, ценностных ориентациях и поведении представителей османской и российской интеллектуальной элиты;
- определить особенности процессов самосознания (идентичности) в османском и российском обществах на протяжении XIX – начала XX века;
- раскрыть причины и следствия негативного восприятия вестернизаторских преобразований определенной частью османских и российских интеллектуалов;
- рассмотреть на основе анализа взглядов представителей османской и российской образованной элиты сложный процесс противоборства и взаимовлияния традиционного (*имперского?*) и современного (*национального?*) самосознания, присущий общественной мысли в обеих империях [40; 38].

Ташансу Тюркер, кандидат исторических наук, директор Центра исследований Евразии, России и Восточной Европы Университета Анкары (Турция).
E-mail: Tasansu.Turker@politics.ankara.edu.tr

Индикатором реакции просвещенных элит Османской империи и России на модернизаторские реформы в XIX – начале XX века выступает различное восприятие ими понятий «империя» и «нация». Чтобы лучше понять суть противоречий, следует учитывать состояние обеих держав [45; 2, с. 394–400].

В XVIII веке Османская империя вступила в эпоху упадка. Ее правящая верхушка осознала происходящее позже, чем об этом начали писать османские интеллектуалы. То, как понимали процесс падения мощи и возможностей державы разные представители ее административного механизма, и определило дилемму первых реформаторских усилий [34, р. 38]. Начавшиеся преобразования не были выражением сознательного стремления к модернизации или вестернизации, но предпринимались для усиления позиции империи в развернувшемся противоборстве с Западом [25, р. 20–100, *passim*]. Подобное представление о сути реформ сохранялось, по существу, до конца XIX века. Усилия реформаторов с самого начала исходили из признания превосходства Запада не только в военной сфере и в промышленности, но и в других областях общественной жизни. Чем яснее они осознавали масштабы отставания, тем все более широкий охват имели их начинания. При этом целью преобразований оставалась забота о защите и сохранении целостности государства [32, р. 86].

Если обратиться к причинам упадка, то они в своей основе связаны с геополитическим положением Османской державы в XVIII веке. На севере ей противостояла мощь России, на западе – столь же сильным соперником была Австро-Венгерская империя. На востоке ее возможности ограничивал Иран, оправившийся от внутренних неурядиц и успешно противостоявший замыслам Порты. Недостаточный морской потенциал Османов делал невозможным их выход к океану на юге. В сложившейся ситуации следует искать причины нарушения того ритма жизни, который был присущ Османскому государству с момента его основания. Невозможность сохранения прежних порядков предопределила и неизбежность разрушения традиционной османской системы [24, *passim*].

С остановкой внешней экспансии пошатнулись устои империи, построенной на завоеваниях и развивавшейся благодаря военным победам. Когда же в результате географических открытий Средиземноморье утратило ведущую роль в международной торговле, к политическим неудачам добавились и торговые потери. Они привели к дальнейшему уменьшению роли условных земельных пожалований – тимаров – в системе сельскохозяйственного производства и углублению экономического упадка. Хозяйственные бедствия способствовали перебоям в работе государственного механизма. Столь же быстрым оказался развал провинциальной системы управления, которая перестала удовлетворять потребности центра. Отмеченные процессы имели еще одно, очень важное следствие: они подорвали авторитет султанской власти и способствовали усилению центробежных сил в провинциях. Усиление противников сильной центральной власти и традиций автократии стало причиной потрясений института *султаната* [21, р. 17–38; 19], на котором держалась вся традиционная османская система власти. Его деградация с неизбежностью вела к дезорганизации государственных порядков.

Именно в такой обстановке и начинались реформы. Вполне естественно, они первоначально были ориентированы не на вестернизацию, но на практические нужды империи [33]. Их инициаторы пытались преодолеть те слабости государственного механизма, о которых речь шла выше. Лишь при Селиме III и особенно во время правления Махмуда II сфера действий реформ начала расширяться, а затем изменилась и их направленность. В итоге процесс преобразований обрел характер вестернизаторских начинаний [18, р. 117].

Основным результатом тех перемен в жизни государства и общества, произошедших под влиянием вестернизации, было складывание интеллекту-

альной элиты, которая впервые оказалась способной понять достижения западной цивилизации. В этом смысле отправной точкой можно считать учреждение в 1821 году *терджоме одасы* (палаты переводчиков). Воспитанные в этом учреждении молодые люди не только овладевали западными языками, но и знакомились с западной культурой. Они и стали в дальнейшем интеллектуальной элитой, благодаря усилиям которой реформы вышли из-под монопольного контроля государства.

Что же касается связи между реформами и понятиями «империя» – «нация», то она прослеживается в процессе складывания национального сознания, происходившего в основном внутри империи. Этот процесс первоначально развивается в христианской, а не в турецкой среде, позже он выявился у мусульман нетурецкого происхождения. Сами же турки-османы были озабочены главным образом идеей спасения государства, но этим государством была именно Османская империя [43].

В традиционной структуре империи, построенной на системе *миллетов*¹, не было условий для появления националистического мышления. Османская империя сохранила эту практику, объединив ее с исламским правом. Само понятие *миллет* образовалось от термина *милле*. В арамейском языке он первоначально означал «слово», а следовательно, и «логос», в итоге же стал восприниматься в значении «вера». Этимология термина позволяет лучше понять сущность системы миллетов. Она основывалась на том принципе, что все общины любого вероисповедания на османской территории признавались государством и им предоставлялось право решения всех их внутренних дел. Каждый миллет был организован как закрытая группа. Результатом подобной замкнутости было то, что разделенными оказывались и единоверцы, и носители одного языка. Если и родился, несмотря на ограниченную общность бытовой и материальной культуры, общий стиль османской жизни, то данное обстоятельство еще не означает появления общей османской идентичности ни в литературном, ни в научном смысле [35].

Так как руководство миллетом и ответственность за него лежала на *миллетбаши* (его главе), а каждый индивид оставался внутри коллектива, внешнее влияние сводилось до минимума. Поселение каждого миллета было закрытым в своем квартале или деревне. Лишь в равнинных областях ситуация менее сложна. В таких регионах, как Балканы, Западная Анатолия и Причерноморье, жители равнин оказываются в среде, которая не позволяет им создать свою особую культуру [35].

В ее рамках каждая религиозная община существовала автономно, но при условии сохранения общей лояльности по отношению к центру. Внутри этих общин нашли себе приют самые разные по языку и этническому происхождению элементы. Поэтому развитие современного националистического мышления угрожало не только османскому правлению, но и ведущей роли миллетов. Тем не менее на протяжении XIX века подобный образ мыслей развивался очень быстро, что привело к расщеплению Османской державы [39, р. 108]. В такой ситуации основной заботой османских интеллектуалов стал поиск альтернативы идеям национализма. Ибо увлечение ими шло явно во вред усилиям по спасению государства. До тех пор, пока в интеллектуальной среде не утвердилась идеология тюркизма, национальной идентификации противостояли сторонники традиционного имперского порядка.

Если обратиться к западническим и противостоящим им концепциям, то нетрудно заметить, что систематическая разработка соответствующих идей османскими интеллигентами была запоздалой и слабой. Слабость западнических

¹ Понятие, которое в современной Турции воспринимается как «народ» и «нация».

представлений и двойственное отношение к западничеству, присущее зачинателям реформ, явно мешали развитию альтернативного подхода и в какой-то мере ослабляли его. Однако сама жизнь подталкивала искать возможностей сочетания западных ценностей с традиционными османскими нормами и тем самым способствовала рождению идей, которые защищали бы империю [39, p. 108].

В таких обстоятельствах усиливалась значимость идеологии османизма. Смешение западных понятий «родина» и «патриотизм» с традиционными представлениями о верности и справедливости должно было оправдать усилия по созданию единой османской нации [39, p. 108; 29, *passim*]. Неудачу данного предприятия нельзя объяснить лишь поверхностным подходом к этому начинанию. Ясно, что возможности государства в подобных делах играют решающую роль. Однако в XIX веке нужной притягательной силы у Османской державы уже не было. К тому же внешнее давление способствовало развитию националистических настроений среди немусульманских подданных султана. Готовность правящих кругов следовать принципам османизма определялась не только наличием внутри империи националистических тенденций, но и вмешательством таких государств, как Россия и Австрия, пользовавшихся влиянием в ее владениях.

Важная особенность османизма вытекала из того обстоятельства, что эпоха *Танзимата* была временем власти османской бюрократии [36, *passim*]. Сфера деятельности султана была заметно уменьшена бюрократической элитой. В ее идеологии появилось понятие *ватан* (родина), существенно потеснившее прежнее представление о роли правителя как объекта традиционной верности. Согласно положениям программы «Новых османов», сам термин «родина» должен был дополняться понятиями *катылымджилык* (единение всех национальных элементов) и *ватандашлык* (гражданство) [29, *passim*; 27; 26, *passim*]. Они были убеждены, что благодаря конституции, обеспечивающей доступ к управлению представителям различных миллетов, последние останутся лояльными по отношению к государству. Сколь бы наивной ни выглядела эта идея, предполагалось, что она сможет обеспечить, даже на длительный срок, устойчивость империи. Другой вклад идеологии «Новых османов» состоял в уже упомянутом альтернативном подходе к Западу. Первое систематическое изложение их оппозиционных взглядов было связано с интерпретацией султанского «*Ислахат ферманы*» (декрета о реформах 1856 года) как свидетельства западного вмешательства. Сущность оппозиционности определялась в большей степени требованием сопротивления вмешательству, которое в рамках «патриотизма» можно было бы интерпретировать как требование сохранения независимости османского государства. Подобное противостояние, по сути дела, должно было расколоть приверженцев османизма, поскольку немусульманские элементы в этой ситуации воспринимались как проводники западного влияния. В первом же внутреннем конфликте идеология османизма потерпела серьезный урон именно из-за внешнего вмешательства [30, *passim*; 31].

То обстоятельство, что вопреки замыслам инициаторов модернизаторских реформ территория империи продолжала сокращаться, а численность немусульман уменьшаться, позволило приверженцам имперской идеи использовать ислам как критерий идентификации. В конечном счете исламу можно воспринимать и как специфический вариант западной (националистической) идеологии. Ибо, теряя свое значение религии и превращаясь в свойственный современной идеологии показатель идентификации, ислам в той или иной степени мог способствовать утверждению влияния западных идей [20, p. 269]. Однако в реальной жизни более важной оказалась другая сторона исламу. Ведь данная концепция не столько противостояла османизму, сколько его поддерживала. Поскольку идея спасения государства в конце XIX века обратилась в заботу о спасении того, что еще осталось, следовало, с

одной стороны, использовать принцип исламской идентификации, но, с другой стороны, стараться не оттолкнуть немусульманские элементы. Вместе с тем исламская идентификация при всей ее утопичности все же выступала как альтернатива национализму. Исходя из идеи о том, что подчеркивание различий противоречит постулатам ислама, она призывала к единению всех мусульман [44, p. 227–228].

Поскольку националистические настроения всё же развивались среди арабов и в еще большей степени среди албанцев, постольку в сознании османской бюрократической элиты возрастала значимость идеологии тюркизма [14, passim]. Сам термин «тюркизм» появился в Османской империи явно позже того времени, когда другие этносы, входившие в состав ее населения, обрели свое национальное сознание. Он впервые начал использоваться лишь в начале XX века [22, passim]. Идеология, опирающаяся на это понятие, не была до конца сформулирована ни в годы балканских войн, ни в период Первой мировой войны. Не получив общей поддержки в интеллектуальной среде, тюркизм первоначально оставался частью исламизма. Как и в исламизме, добавка «пан» к самому термину никогда не означала действительно иного его значения. Внутреннее содержание этого понятия выявилось лишь после создания Турецкой Республики в ходе систематического сопоставления с термином *гарбчилык* (западничество). Тюркизм и вестернизация выступали в сознании кемалистской элиты как разные версии современного национализма. Устранение добавки «пан» способствовало утверждению представления о независимой турецкой нации, которой суждено занять свое место в ряду современных наций. Впрочем, идеология тюркизма, как и те, которые ей предшествовали, сохранила некий налет имперского наследия, поскольку продолжала придерживаться принципа *капсаиджылык* (гражданской общности) в противовес принципу *дышлаиджылык* (национальной особенности), который составляет один из основных элементов национализма. В этом смысле современная Турецкая Республика и курс кемализма представляются гибридом двух неоднородных понятий «родина» и «нация». Организация государства и общества на основе подобной модели показывает, что сторонники тюркизма придерживались прозападной ориентации, но вместе с тем опасались диктата Запада. Они понимали необходимость вестернизации, но хотели бы продолжать курс на самосовершенствование, делали ударение на роль турецкой нации, но опирались на принцип гражданства [13].

При рассмотрении ситуации в России первое бросающееся в глаза ее отличие от Османской империи состоит в постоянном увеличении могущества государства. Начавшееся в ходе реформ Петра I систематическое освоение западного опыта привело к усилению российской державы. Если османские усилия были направлены на сохранение существовавших границ, Россия открыла для себя на востоке замечательную зону новых территориальных приобретений. Как расширение границ страны, так и укрепление ее центральной власти и устранение противников самодержавия, позволили Петру обеспечить России высокий уровень не только военного, но и политического могущества [2, passim]. Этот подъем, продолжавшийся и при преемниках Петра I, сопровождался значительным прогрессом в сфере просвещения и культуры. Для дворянской по своему происхождению российской элиты были созданы образовательные и научные учреждения, существенно повысившие общий потенциал государства. В начале XIX века без учета мнения России нельзя было решить ни одного европейского вопроса [41, p. 211–221].

Для темы настоящего исследования важно отметить первую черту, свойственную российскому интеллектуалу и заключающуюся в широте его интересов. В то время как османский интеллигент был погружен в искания относительно спасения страны, представители российской образованной среды, в силу достигну-

тых государством успехов, могли обратиться к решению более широкого круга проблем политического, социально-экономического и культурного характера. Другая особенность российского интеллектуала была связана с его происхождением. В Османском государстве подобный человек типологически был выходцем из бюрократической среды, в России же в большинстве случаев он имел дворянское происхождение, но ни аристократические корни, ни разночинный статус не имели существенного значения для его общественной позиции [28, *passim*].

Рассмотрение упоминавшихся выше реформ Петра I и особенно их кульминации в период правления Екатерины II позволяет увидеть еще одну важную особенность. Суть ее в том, что реформы в России начали осуществлять твердо и решительно, что и определило реализацию их замыслов. В отличие от непоследовательной модернизации в османском варианте, модернизаторские преобразования в России должны были обеспечить и обеспечили ей статус великой державы в Европе. Первым результатом реформ XVIII века можно считать двойственную реакцию, сложившуюся в России по отношению к Западу, которая характеризовалась, с одной стороны, системной и глубокой оппозицией Западу, а с другой – не менее последовательной прозападной ориентацией. Первая из них впервые выразилась в антизападной постановке вопроса «кто мы?» и, естественно, отразилась в появлении «русской» идентификации. Она отражала сущность явления, которое можно назвать ранним консерватизмом [46, р. 48–55].

Следует сказать и о появившейся в это же время прозападной ориентации, которую в настоящей работе можно охарактеризовать как «ранний либерализм» [15; 12, с. 162–176]. В ее основе лежала концепция, поддерживавшая процесс вестернизации России и выступавшая за западные ценности и создание новой системы общественных отношений. При ее анализе нетрудно заметить, что использование разработанных на Западе понятий «родина» и «патриотизм» предполагает также и обращение к теме политической борьбы. Важно отметить, что сопутствующие современному понятию «родина» политические требования относительно ограничения самодержавной власти становились неперемennыми положениями политики [17, с. 106–175]. По существу, не будет преувеличением сказать, что по своей сути эта концепция схожа с османизмом, ибо на указанном понятии выстраиваются в обеих странах и заимствованная на Западе модель организации власти, и политический курс на объединение всего населения. В России такой либерализм пришел в полное противоречие с негативным восприятием Запада. Первые свидетельства тому обнаружались в ходе дискуссий 1840-х годов [16, с. 96–119].

В ходе идейной борьбы, известной в русской истории как спор западников и славянофилов, в противовес выдвинутым западниками положений раннего либерализма славянофилы, стоявшие на позициях раннего консерватизма, сделали первый шаг в определении русской идентичности и выдвинули свою, вполне законченную концепцию. В ней русская идентичность была представлена как переходная от национальной идентичности к цивилизационной [5, с. 192–231]. В наиболее четко сформулированном виде она выступает как такой вид национального сознания, который включает имперские элементы и отрицание понятия границ. Ее невозможно сопоставить с обычным национальным самосознанием. Но этой модели присуща особенность, которая позволяет взглянуть на нее по-другому и существенно ее ослабляет: она предполагает аполитизм, а не выступление против самодержавия.

Первоначальное изменение указанной позиции проявилось в потере веры русских просвещенных аристократов в Европу. Это разочарование, особенно четко проявившееся у Герцена, нашло свое выражение в идее о необходимости, наконец, политизировать русскую идентичность. То обстоятельство, что именно западник пришел к выводу о несостоятельности западной точки зрения, не-

сказанно увеличило веру и убеждение в противостоящую Западу русскую идентичность [3, с. 34; 23, р. 128–134; 4, с. 118].

Процесс политизации подобных идей и убеждений реализовался благодаря Данилевскому, который, объединив немецкую философию с революционностью французов, заново определил смысл панславизма в России. В своих соображениях, высказанных на страницах книги «Россия и Европа» [6, *passim*], он, предвосхищая Шпенглера, обосновал понятие «цивилизация» и сформулировал тезис о превосходстве славяно-русской цивилизации над западной. Хотя это положение и касается союза славян, но, по существу, в рамках этого союза в качестве центра следует поставить русскую общность как самую мощную силу данной цивилизации. В связи с этим следует признать, что из членов названного союза равноправных братьев именно Россия призвана в качестве старшего брата или даже отца создать подобный союз и политически преобразовать мир в новую высшую цивилизацию. Примечательно, что основным мотивом в рассуждениях автора выступает противостояние Западу, а понятие о границах никак не влияет на полемику. Та идеологическая конструкция, которую приняло российское государство, даже Ф.М. Достоевского превратила в проповедника идеи военного освобождения православных славян Османской империи и посредством давления общественного мнения вынудила власти принять панславизм в качестве ориентира внешней политики [42]. Потому что живущая за пределами государства большая масса людей была тоже его частью и могла это доказать.

Во времена Александра III панславистский вектор внешней политики отошел на задний план, и основное внимание властей обратилось на внутреннюю ситуацию. Здесь, несмотря на сохранение в прежнем виде тройственной формулы «самодержавие, православие и народность», составлявшей суть официальной идеологии, одновременно резко активизировался курс на русификацию. Несомненно, что в эпоху подъема национализма традиционной официальной идеологии было слишком трудно удерживать империю от распада [37].

Хотя в политике и в общественной мысли сохранялась ориентация на понятие «родина», но в качестве основной идеи уже было принято, что Россия отличается от Запада, и это отличие всеми разделялось. Иными словами, была подорвана сила тех, кто защищал это понятие западными средствами. В противовес распространялись другие идеи, делавшие, как правило, упор на русской идентичности.

В развернувшейся полемике заслуживает внимания позиция, представленная одним из последних защитников имперского политического мышления. Леонтьев был представителем имперского космополитизма, основанного на традициях Рима и Византии [9, с. 54]. По его мнению, необходима была новая альтернатива для противостояния Западу, и ей могла стать новая Византия. Поддерживая идею славянского союза, он выступал не за сам союз, но за новую систему, которая не была бы в своей основе западной. Леонтьев полагал, что славян не за что любить, разве что за славянство [8]. Цивилизационная полемика в то время увлекла всех русских интеллектуалов, даже анархистов. Один из них – Бакунин – полагал, что социализм может быть построен в России или в Турции, где народные массы не развращены западной цивилизацией.

В дальнейшем при всех спорах всё же сохранялась тенденция к превращению Российской империи в Русскую державу [5, *passim*]. Однако с ней покончил ленинизм, проводивший политику, в основе которой лежало понятие «родина», и выдвинувший проект союза наций на базе еще более «высокого», классового, понимания общности в виде пролетарского интернационализма. И хотя эта идеология основывалась на праве наций на самоопределение в форме отдельных государств, тем не менее в ней на первый план вместо понятия «нация» вновь была выдвинута «родина». Таким образом, спустя столетие реализовался

замысел инициаторов движения декабристов, которые в начале XIX века добились его осуществления в рамках «раннего либерализма». Начался период, отмеченный тесной связью понятий «гражданство» и «социализм» и ведущей ролью коммунистической партии.

* * *

В качестве ключевых слов, определявших противостояние двух начал, выступали: «традиционная империя», «модернизм», «родина», «реакция», «нация». Хотя обе державы представляли, каждая по-своему, традиционную империю, но в начале XIX века они уже различались по уровню политического могущества. Оно имело разную основу. Османской империи, много раньше пережившей свой классический период, модернизация была навязана, тогда как Россия в процессе модернизации стала подлинной империей. Процесс модернизации Османская империя пережила в очень облегченной форме, Россия – в очень жестком варианте. Из-за этого антизападные настроения в Османском государстве были столь же слабыми, сколь в России они были сильными. В подобных условиях османский духовный мир еще был полон чувства имперского превосходства, в России же очень рано зародилось национальное сознание. У османов на первом плане был имперский статус, в России упор делался на «русской идее» [1, passim]. С распадом Османской державы на османском географическом пространстве утвердилась западная модель государственной организации, а в России противостояние Западу только усилилось, реализовавшись в альтернативной модели.

Если попытаться установить какие-то временные границы, то в османском варианте традиционная имперская структура существовала вплоть до *Гюльханейского декрета*, провозгласившего начало эпохи *Танзимата*. В интеллектуальной среде России при сохранении официальной идеологии начало быстро оформляться националистическое сознание, западническое понимание слова «родина» после восстания декабристов 1825 года осталось в прошлом [7, passim]. В османском обществе идеология «османизма» вплоть до 1878 года опиралась на представление об имперской нации; в России с появлением понятия «цивилизация» приверженцев национальной империи оказалось значительно больше, чем сторонников классической империи. Османы вплоть до 1908 года в рамках концепции исламизма пытались оживить традиционную имперскую модель государства. В России она уже была заменена моделью национальной империи [10, passim]. С разложением османской системы западное влияние привело к утверждению национального государства в ущерб «гражданству», а российская имперская структура смогла сохранить связи с «гражданством».

Если обратиться к нынешним временам, то и в России, и в Турции эпоха дискуссий о «родине» и «нации» осталась в прошлом. Какое из этих понятий займет ведущее место в данной стране, такой субъект в ней, по сути дела, и окажется связанным далее с реформами и проблемой противостояния Западу.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. М., 2004.
2. Геллер М. История Российской империи. М., 2001. Т. I.
3. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1955. Т. 5: Письма из Франции и Италии.
4. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 7: О развитии революционных идей в России.
5. [Гросул В.Я.] Русский консерватизм XIX столетия / Под ред. В.Я. Гросула. М., 2000.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003.
7. Ильин П.В. Новое о декабристах. СПб., 2004.
8. Леонтьев К. Византизм и славянство [1875]. URL: <http://knleontiev.narod.ru/texts/vizantizm.htm>

9. Леонтьев К. Национальная политика как оружие всемирной революции. М., 1889.
10. Меньшиков М. Национальная империя. М., 2004.
11. Рибер А. Сравнимая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А.В. Миллера. М., 2004. С. 35–66.
12. Рудницкая Е.Л. Поиск Пути. М., 1999.
13. Тюркер Т. Республиканский туркизм, имперский фундамент, националистический мотив // Ломоносов 2008. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2008. С. 31–34.
14. Фадеева И.Л. От империи к национальному государству: Идеи турецкого социолога Зии Гёк Алпа в ретроспективе XX века. М.: Восточная литература РАН, 2001.
15. Шкуринов П.С. П.Я. Чаадаев. М., 1960.
16. Щетинина Г.И. Идеальная жизнь русской интеллигенции. М., 1995.
17. Янов А.Л. Патриотизм и национализм в России: 1825–1921. М., 2002.
18. Akşin, Sina. Siyasal Tarih // Türkiye Tarihi / (ed.) Sina Akşin. Tom 3. İstanbul, 1995.
19. Bosbach, Franz. The European Debate on Universal Monarchy // Theories of Empire; 1450–1800 / (ed.) David Armitage. P. 81–99.
20. Çetinsaya G. İslami Vatandaşlıktan İslam Siyasetine // Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce / Ed. Murat Belge. İstanbul: İletişim, 2002.
21. Figgis J.N. The Divine Right of Kings. Bristol: Thoemmes, 1994.
22. Georgeon F. Türk Milliyetçiliğinin Kökenleri. İstanbul, 2005.
23. Gertzen A. From the Other Shore and the Russian People and Socialism. London, 1956.
24. İnalcık, Halil. The Ottoman Empire. The Classical Age. 1300–1600. London, Weidenfeld & Nicolson, 1973.
25. Jung D., Piccoli W. Yol Ayrımında Türkiye / ev. Berna Kurt. İstanbul: Kitap, 2004.
26. Kemal, Namık. Vatan yahud Silistre. İstanbul: BodoSiyah, 2004.
27. Koçak C. Namık Kemal // Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce / Ed. Murat Belge. İstanbul: İletişim, 2002. P. 244–249.
28. Kohn, Hans. The Mind of Modern Russia: Historical and Political Thought of Russia's Great Age. New Brunswick (N.J.): Rutgers University Press, 1955.
29. Mardin, Şerif. Yeni Osmanlı Düşüncesinin Doğuşu. İstanbul: İletişim, 1996.
30. Neumann Ch.K. Araç Tarih, Amaç Tanzimat: Tarihi Cevdetin Siyasi Anlamı. İstanbul: çev. Meltem Arun, Tarih Vakfı Yurt, 2000.
31. Neumann Ch.K. Paradigmalar Arasında, Ahmet Cevdet ve Aidiyet // Düşünen Siyaset, 1999, 7–8. P. 219–236.
32. Neumann Ch.K. Tanzimat Bağlamında Ahmed Cevdet Paşanın Siyasi Düşünceleri // Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce / Ed. Murat Belge. İstanbul: İletişim, 2002.
33. Ortaylı, İlber. Batılılaşma Sorunu // Tanzimattan Cumhuriyete Türkiye Ansiklopedisi. Tom 1. İletişim Yay., 1983. P. 134–138.
34. Ortaylı, İlber. Osmanlı'da 18. yüzyıl Düşünce Dünyasına Dair Notlar // Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce / Ed. Murat Belge. İstanbul: İletişim, 2002.
35. Ortaylı, İlber. Osmanlı İmparatorluğunda Millet // Tanzimattan Cumhuriyete Türkiye Ansiklopedisi. Tom 4. İletişim Yay., 1985. P. 995–1001.
36. Ortaylı, İlber. Tanzimat Adamı ve Tanzimat Toplum. İstanbul, 1986.
37. Renner A. Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the Invention of National Politics // The Slavonic and East European Review. 2003. Vol. 81. № 4. P. 659–682.
38. Rowley D.G. Imperial versus National Discourse; the Case of Russia // Nations and Nationalism. Vol. 6, Issue 1, January 2000. P. 23–42.
39. Somei S.A. Osmanlı Reform Çağında Osmanlılık Düşüncesi // Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce; Tanzimat ve Meşrutiyetin Birikimi / Ed. Murat Belge. İstanbul: İletişim, 2002.
40. Suny, Ronald Grigor. The Empire Strikes Out. Imperial Russia, "National" Identity, and Theories of Empire // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Soviet Union, 1917–1953 / Ed. by R.G. Suny and T. Martin, Oxford, 2001. P. 23–66.
41. Thaden E.C. Interpreting History. Boulder: Columbia Univ., 1990.
42. Türker, Taşansu. Karamazov Karezler'de Politik Sembolizm // SBF, 61:3. P. 220–246. URL: http://www.politics.ankara.edu.tr/dergi/pdf/61/3/8_tasansu_turker.pdf
43. Türker, Taşansu. "Türkiye" de Vatandaşlık Kavramının Oluşumu, İdari Yapıdan Siyasal Kimliğe Dönüşüm // XXI. Esrin Türk Devletlerinde Kimlik Seçimi / (ed.) Leila Alieva, Taşansu Türker. Baku: MBAM, 2011. P. 264–272.
44. Türköne, Mümtazer. Siyasi İdeoloji Olarak İslamcılığın Doğuşu. İstanbul: İletişim, 1991.
45. Uzunçarşılı, İsmail Hakkı. Osmanlı Tarihi. Tom 4:1, Ankara: TTK, 1956. P. 24–47.
46. Vernadsky G. Russian Historyography: A History / Ed. by S. Pushkarev, translated by N. Lupinin. Belmont (Mass.), 1978.

Аннотация. Как Российская, так и Османская империя на протяжении последних трех столетий, с одной стороны, пользовались, а с другой – испытывали на себе последствия своей географической и, следовательно, культурной близости к Западу. Эти три столетия стали эпохой реформ для обеих стран. Начавшись в административном секторе, реформы продолжались в остальных областях современной России и Турции. Автор ставил своей целью осмыслить и проанализировать ход этих реформ не только в отрыве от других явлений, но и посмотреть на их политические последствия, которые можно обобщить в предложениях, касающихся политической идентичности, и в политических курсах обоих государств. На становление политической идентичности оказали влияние реформы, и идентичность можно простроить в таких понятиях, как «родина», «империя» и «нация». В статье, которая сопоставляет ситуацию в России и Турции, затрагиваются два основных вопроса: реформы, приведшие к становлению имперской идентичности, и консервативные проблемы, которые были вызваны данными реформами, которые привели к формированию таких понятий, как «родина», а на более позднем этапе – «нация». Автор также видит своей задачей достижение определенного воздействия на современную политику двух стран в рамках преемственности реформ и формирования политических идентичностей.

Ключевые слова: Россия, оттоманы, империя, реформы, модернизация, консерватизм, нация, Родина.

Taşansu Türker, Ph.D. in History; Director, Research Center for Eurasian, Russian and East European Studies, University of Ankara (Turkey). E-mail: Tasansu.Turker@politics.ankara.edu.tr

Administration Reforms and the Concepts of “Motherland” and “Nation” at the Empires of Modernization; the Cases of Russia and Turkey

Abstract. Both Russian and Ottoman Empires have enjoyed and suffered the result of their geographic and hence cultural closeness to the West for the last three centuries. Those three centuries can be explained as the era of reforms for the both countries. Those reforms which had begun in the administrative area have continued in all spheres of the two countries till today. In this article the essence and the ways of those reforms are tried to be explained not only in themselves, but also in the context of the political results of those, which can be summarized by the political identity proposals and policies of two states. Those political identities were formed by the reforms and their results, and can be categorized to their references like “motherland”, “empire” and “nation”. Reforms forming the concept of imperial identity and the conservative challenge, which was motivated as well by the reforms, creating the concepts of “motherland” and later on “nation” are the main themes of the article in a way of comparing two cases of Russia and Turkey. Finally it is aimed to reach some results for contemporary politics of two countries in the framework of the continuity of reforms and the political identities.

Keywords: Russia, Ottomans, Empire, Reforms, Modernization, Conservatism, Nation, Motherland.

М.В. Ремизов. Мне представляется знаменательным, что мы заканчиваем наше заседание именно на турецкой страновой модели, на дилемме турецкого консерватизма и модернизма. Турция является интересным примером и уроком для нас, уроком страны, которая переболела своим имперским универсализмом и преодолела его в период Кемаля Ататюрка – чтобы на новом этапе вернуться к нему. Я имею в виду нынешний период, двухтысячные годы. Турция вернулась

к имперскому универсализму, уже опираясь на дееспособное, консолидированное национальное государство с четким этническим ядром. Думаю, это вполне реалистичный сценарий для современной России – отбросить фантомные боли имперского универсализма, консолидировать национальное ядро, с тем чтобы на следующем этапе оно обрело достаточную гравитацию для воссоздания сферы влияния, напоминающей прежнюю империю.